

§ 2. Взгляд на процессы и кризисы Мир-Системы через призму собственной терминологии

1. Важность собственного инструментария. – 2. Дестабилизация как неизбежный спутник развития. – 3. Реконфигурация Мир-Системы и ее ускорение. – 4. Эпоха новых коалиций. – 5. Глобальное противоречие современности и глобальный кризис современности. – 6. Великая дивергенция и Великая конвергенция. – 7. Глобалисты и американисты, глобалистская революция. – 8. О цивилизациях и стране-цивилизации. – 9. X, Y и W как социальные структуры и типы обществ. Мир-организм

1. Важность собственного инструментария

В предыдущем параграфе мы ревизовали некоторые подходы, теории и аналитический инструментарий, имеющийся в западной и отечественной науке. Эта ревизия показала, что, с одной стороны, имеется много ценных и полезных наработок, теорий, подходов и терминологии. Но, с другой стороны, выяснилось, что понятийный инструментарий для анализа современных мировых процессов, хотя и достаточно развернут, но все же, на мой и других исследователей взгляд, выглядит недостаточным. Я имею в виду, что часть понятий недостаточно разработана, а некоторые важные понятия отсутствуют. Это затрудняет понимание многих процессов, так как любое уточненное или новое понятие – это уже концепция и методология для анализа. Это также позволяет делать некоторые прогнозы (см. ниже о ЕС). Поэтому необходимо уточнение некоторых терминов, а также имеет смысл предложить для более широкого использования терминологию ряда исследователей, которая представляется удачной. Кроме того, имеются широко используемые понятия, для которых требуется прояснение авторской позиции. К таким категориям относятся, в частности, цивилизация и страна-цивилизация.

В рамках этого параграфа будет объяснено введение таких терминов, как реконфигурация Мир-Системы, ускорение реконфигурации Мир-Системы, глобальное противоречие современности, дестабилизация, Великая дивергенция и Великая конвергенция, глобалисты и американисты, эпоха новых коалиций и некоторые другие.

В дальнейшем мы увидим, в частности в главе 2, § 4, что все три концепции: реконфигурация Мир-Системы, эпоха новых коалиций и Великая конвергенция – оказываются тесно связанными в контексте исследования процессов борьбы за новый мировой порядок. В принципе тесно связаны и другие концепции.

Измерения/аспекты мирового порядка. Напомню также, что тема и направленность монографии связаны с такими понятиями, как аспекты (измерения) мирового порядка, точнее соперничества в рамках текущего порядка и борьбы за новый порядок. В предыдущем параграфе мы рассмотрели взгляды на измерения мирового порядка. Однако эти измерения – горизонтальное и

вертикальное – по значению ближе к реальному пространству. Я же имею в виду измерения в более широком понятийном смысле, как часть содержания, связанную близостью тех или иных оснований и описываемых областей жизни. Эти измерения можно назвать аспектами исследования. В качестве такого подхода предлагается рассматривать группы более тесно связанных между собой факторов, то есть имеющих более близкую природу. Имеется в виду группировка факторов по сфере деятельности (технология, экономика, финансы и т. д.) или ясно выделяемым характеристикам, например демографическим или идеологическим. Такая группировка факторов является продуктивным аналитическим и методологическим подходом для анализа мирового порядка в настоящем и будущем.

Об аспектах мирового порядка говорят, скорее, в обычном, а не научном значении слова, и то нечасто, мне встретилось только в периферийных работах (см., например: [Газгареева, Бурняшова 2017]).

Мне представляется, что необходимо наделить понятие «аспекты исследования мирового порядка» бóльшим научным значением, систематизировать, выделив измерения/аспекты мирового порядка. Разумеется, такое выделение всегда достаточно условно, все аспекты тесно взаимосвязаны и являются частью неразрывной системы, тем не менее, ставя в центр те или иные аспекты, мы в состоянии обнаружить целый ряд весьма важных вещей, закономерностей, изменений в меньшей или большей длительности, делать прогнозы. В самом деле, пытаясь охарактеризовать тот или иной аспект, например технологический или демографический, мы можем построить подсистему, которая способна осветить важные характеристики и процессы, остающиеся в тени за более обсуждаемыми. Так, различные демографические тренды на Глобальном Севере и Юге, включая глобальное старение, позволяют увидеть возможный и уже ощущаемый раскол мира по демографическому признаку.

Система измерений/аспектов. В указанном выше смысле борьба за новый мировой порядок имеет много измерений и, соответственно, аспектов исследования: *политический, внешнеполитический, геополитический, военный и военно-технологический, экономический, технологический, демографический, идеологический, цивилизационный* и др. Деление, конечно, зависит от научной задачи. Но в целом все эти аспекты составляют единую систему, в которой в разных случаях и в разные периоды могут выходить на первый план разные аспекты. И это важно для более точного анализа.

2. Дестабилизация как неизбежный спутник развития

Дестабилизация – весьма широкое понятие, которое выступает родовым ко многим другим²⁷. Однако оно очень важно, так как характеризует процессы нестабильности, разрушения, ослабления, деконструкции. К сожалению, оно исследуется недостаточно. И приятно отметить, что особая заслуга тут принадлежит отечественным исследователям. В 2017 г. вышла монография

²⁷ Л. Е. Гринин [2023в], например, выделяет более 20 видов дестабилизаций, включая такие как военные и государственные перевороты, революции, гражданские войны, террор и др.

[Коротаяев и др. 2017], авторы которой отмечали важность учета способности общества противостоять дестабилизации [Там же: 3]: «Дестабилизация или хотя бы ее угроза – неизбежная фаза развития любого общества. Вопрос состоит в том, насколько общество способно ей противостоять, насколько оно институционализировано и адаптивно к различным угрозам. Анализ показывает, что, с одной стороны, общества, способные добиться устойчивого порядка и его воспроизводства, в состоянии не только преодолеть такие угрозы, но и институционализировать механизмы, которые будут препятствовать возникновению подобных ситуаций. С другой стороны, опыт показывает, что институты стареют и становятся недостаточно эффективными. В результате они перестают предохранять общество от кризисов, как делали это раньше».

Л. Е. Гринин опубликовал развернутую статью, где исследовал теоретические аспекты этого понятия [Гринин Л. Е. 2023в], в дальнейшем мы совместно углубили эту тему [Grinin A., Grinin L. 2024]. Мы отмечаем, что дестабилизация – важнейшая и неизбежная часть социально-политических и иных процессов, прослеживающаяся на протяжении всей человеческой истории. Подобно двум гегелевским противоречиям, дестабилизация и организация (включающая в себя также элемент стабилизации) всегда находятся в динамическом единстве и борьбе. Периоды укрепления порядка сменяются периодами его ослабления в результате различных процессов дестабилизации. Нами была исследована взаимосвязь между процессами дестабилизации и изменения мирового порядка. В предыдущем параграфе мы рассматривали понятие мирового порядка. Однако крайне важно понимать, что дестабилизация и мировой порядок тесно связаны, поскольку смена мирового порядка – это всегда изменение соотношения сил, которое ведет к дестабилизации старого и борьбе за новый мировой порядок. Последняя может вести к высшим уровням дестабилизации. И эта борьба в конечном счете переходит в период стабилизации и стабильности (см.: [Там же]).

Таким образом, понятие дестабилизации, как в связи с ее атрибутивностью к любым изменениям и сменам трендов, так и в многообразии ее проявления в разных эпизодах, периодах и странах, а также в том, что смена мирового порядка неизбежно связана с дестабилизацией в разных странах, формах и ситуациях, делает использование этого понятия актуальным, продуктивным и необходимым в нашем исследовании.

Добавим, что дестабилизация может протекать по-разному. Это могут быть достаточно медленная, но ощутимая деградация с ухудшением порядка и отношений; периоды смены порядка и беспорядка; а также она может выражаться в резком сломе тенденций или ситуации, прямой борьбе. Все это важно для характеристики современной эпохи. До 2022 г. мы наблюдали периоды медленного ослабления власти США в Мир-Системе, период финансово-экономического кризиса, также имел место мировой кризис, связанный с COVID-19, что представило нам новую форму дестабилизации (точнее, новую для современной эпохи). Но с 2022 г. мы вступили в острую фазу дестабилизации мировых отношений.

Дестабилизация – очень важный фактор смены мирового порядка. Иначе никакой порядок бы не менялся. Однако смене системы мирового порядка предшествуют периоды дестабилизации либо периоды разрушения старого мирового порядка, то есть дестабилизации, сочетаются с периодом построения нового мирового порядка, то есть движением к стабилизации. В любом случае, без дестабилизации такой переход не случается, но важно, чтобы этот период не был чрезмерно разрушительным.

Ранее мы высказывали предположение, что в настоящее время Мир-Система вступила в весьма турбулентную эпоху, которая продлится порядка 10–20 лет (см., например: [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020a; Grinin L. *et al.* 2021b])²⁸. Эта турбулентность будет связана с процессами преобразования, реконфигурации мирового порядка и мирового политического ландшафта (об этом в следующем разделе). Она может и, скорее всего, будет включать в себя и вооруженные конфликты, а также возрастание угрозы большой войны (до которой все же, надеюсь, дело не дойдет). Это станет своего рода переходной эпохой к более устойчивому новому мировому порядку, становление которого будет непростым. Соответственно, указанные процессы не могут не повлиять на возможные проявления дестабилизации в разных странах.

В этой связи существенно отметить связь между родовым понятием дестабилизации и более конкретными понятиями, о которых я скажу ниже, – *реконфигурация Мир-Системы, ускорение реконфигурации и турбулентный период*. Очевидно, что исключительно важными являются периоды реконфигурации мирового порядка и Мир-Системы, в течение которых проявляются мировой беспорядок и усиление борьбы за гегемонию. Эти периоды помогают глубже понять, как мировой порядок устроен, как он разрушается и восстанавливается [Ikenberry 2001: 22].

3. Реконфигурация Мир-Системы и ее ускорение

Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев ввели понятие «реконфигурация Мир-Системы» [Grinin L., Korotayev 2012, 2015, 2016b; Гринин Л. Е. 2012б, 2022a; Гринин Л. Е., Коротаев 2016в; Гринин Л. Е. и др. 2015; Grinin L. 2022с; Grinin L. *et al.* 2016]. Мне тоже довелось работать вместе с ними над развитием этого понятия и его приложением к политической ситуации [Grinin L., Grinin A., Korotayev 2021b, 2023a; Преодолеваю... 2024: гл. 10]. Это понятие постепенно входит в политологический оборот, но пока еще недостаточно.

Реконфигурацией Мир-Системы мы называем системный кризис, связанный с постепенным ослаблением мирового порядка, изменением баланса сил, ослаблением американского доминирования, с подъемом новых держав, политические режимы которых не являются демократическими. Это соответственно ведет к усилению напряженности, противоречий и торможению глобализации, которая в настоящий момент начала быстро откатываться назад. Таким образом, мировой порядок и Мир-Система в целом находятся в состоянии по-

²⁸ Иранский исследователь [Bayat 2024] даже сравнил этот трудный период с чистилищем (the “purgatory” status).

стоянной трансформации, которая может выражаться в локальных политических кризисах, в том числе революциях, напряжениях, неожиданных изменениях, число которых увеличивается, а также и в целом в общем кризисе мирового политического и экономического порядка. Новый мировой порядок не может сформироваться без завершения реконфигурации Мир-Системы, таким образом, этапы реконфигурации Мир-Системы тесно связаны с этапами изменения мирового порядка. Предполагается, что в большинстве случаев имеет место временной лаг между новыми этапами в реконфигурации Мир-Системы и новым этапом изменения мирового порядка. Так произошло в связи с СВО (см. главу 2, § 4). Но может иметь место и обратная связь.

Реконфигурация Мир-Системы с точки зрения общесистемного анализа есть подтягивание политической составляющей к далеко опередившей экономической. В целом такое подтягивание связано с замедлением экономической глобализации (которая теперь просто откатилась назад) и активизацией различных политических процессов, большей частью турбулентных, дестабилизирующих ситуацию и меняющей внутривнутриполитический и международный ландшафт. Такие процессы очень тесно связаны с ослаблением и разрушением мирового порядка и подготовкой к формированию нового мирового порядка [Гринин Л. Е. 2016б, 2022а].

Реконфигурация, то есть подтягивание политической составляющей глобализации к ее экономической составляющей (иными словами, приближение политической связанности Мир-Системы к уровню ее экономической связанности), к сожалению, совсем не гладкий процесс, и даже не ведущий немедленно вперед, а, напротив, требующий откатов и перестроек. Он может происходить разными способами и следующими основными путями:

1) замедление экономического развития и/или откат экономической глобализации;

2) разрушение старого мирового порядка (во главе с американской гегемонией) и создание новых союзов, принципов и систем, которые обеспечат усиление международного сотрудничества и переход к новому мировому порядку.

В этом процессе пока преобладают тенденции к разрушению старого мирового порядка. Что касается экономической сферы на мир-системном уровне, то мы видим:

- замедление экономического развития и почти стагнацию в западном мире;

- продолжающийся процесс Великой конвергенции;
- откат глобализации и деление мира на экономические и валютные блоки;
- пессимистические перспективы экономического развития.

Подробнее об этих явлениях см. в главе 2, § 3.

В условиях реконфигурации Мир-Системы «разломы» в ней начинаются в наиболее неустойчивых и слабых местах, причем, как правило, эти районы являются местом противостояния различных интересов и векторов силы. Отсюда можно сделать вывод, что процессы реконфигурации в Мир-Системе

ме не могут не продолжаться. Они будут идти по ряду направлений. Эти процессы включают в себя в том числе крупные кризисы и революционные волны, обострение противоречий, военные конфликты и угрозу крупномасштабной войны, подъем революционных движений во всем мире, а также иные крупные изменения. О волнах революции в XXI столетии см.: [Голдстоун и др. 2022; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022г; Goldstone *et al.* 2022b; Grinin L., Grinin A. 2022b].

Таким образом, дестабилизация способна возникнуть в наиболее слабых (в смысле устойчивости к потрясениям) обществах. Однако начавшиеся процессы реконфигурации с характерными для нее процессами нестабильности захватили не только полупериферийные зоны, но и ядро Мир-Системы. Брексит Великобритании усилил процессы нестабильности не только в ней самой, но и в целом в Европейском союзе. В ряде его стран наблюдается движение в сторону евроскептицизма, усилившееся в связи с антироссийскими санкциями, с вытекающими отсюда последствиями. А появление Д. Трампа как президента уже влияет и будет сильно влиять в дальнейшем на внутреннюю ситуацию в США. Таким образом, становится очевидным, что в некогда, казалось бы, совершенно благополучных обществах нарастает раскол (в том числе по причине засилья мигрантов, см. главу 4, § 2). При этом необходимо иметь в виду, что подтягивание политической составляющей глобализации к экономической (поскольку первая отстала от второй) происходит рывками и означает более или менее острые политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах.

Начало реконфигурации означало ослабление сложившегося *Pax Americana* и начало трансформации этого мирового порядка. Мы считаем, что мощным толчком для начала реконфигурации послужил глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Следующим этапом стала «арабская весна» [Grinin L., Korotayev 2012]. За последующее десятилетие процессы реконфигурации Мир-Системы прошли еще несколько фаз, наиболее важными вехами стали украинский кризис 2014 г. (что означало переход к конфронтации Запада с Россией вместо декларировавшегося до этого единства) и введение торговых пошлин президентом Д. Трампом. Последнее стало началом разрушения концепции открытой торговли и максимального использования конкурентных преимуществ для экономики.

С началом СВО в 2022 г. процесс реконфигурации Мир-Системы вступил в стадию своего ускорения (см. главу 2, § 4; [Гринин Л. Е. 2023а, 2023б]), что означает усиление и ужесточение конфликтов; попытки решить спорные вопросы силовым путем; искусственное сворачивание финансовых и торгово-экономических отношений, наконец, огромные торговые пошлины. Все это, естественно, подрывает основы экономической глобализации, разрушая всякую возможность расширения и укрепления связей между США и Китаем. Напротив, санкции начали процесс усиления и расширения трений и конфликтов между США, слабеющим гегемоном, и Китаем, растущим конкурентом (см., например: [Colby 2021; Burrows, Manning 2022; Mearsheimer 2024;

The End... 2024]). Словом, ситуация в Мир-Системе меняется очень быстро. Завершение реконфигурации Мир-Системы будет связано с созданием ее новой, более устойчивой конфигурации и формированием основ нового мирового порядка.

Таким образом, мы находимся в водовороте дестабилизационных событий, которые означают размывание прежнего мирового порядка. Каким будет новый порядок, во многом зависит от целей, которые будет ставить РФ, и от правильности внешней политики России.

4. Эпоха новых коалиций

Новый мировой порядок по определению предполагает новые принципы его организации и международной жизни. Мы указывали [Гринин Л. Е. и др. 2024а], что поиск новых форм и принципов организации – сложный эволюционный процесс, в котором постепенно выкристаллизовываются наиболее перспективные формы новых отношений и союзов. Со временем будет все заметнее конкуренция между силами, которые будут претендовать на лидерство в мире. Им придется действовать под лозунгами более справедливого мироустройства, и, конечно же, для такой политики им потребуются новые союзы и союзники. Таким образом, перегруппировка сил на мировой и региональной аренах будет неизбежной.

Для более глубокого понимания механизмов поиска новых форм организации и международной жизни, на мой взгляд, было бы продуктивно использовать концепцию «эпохи новых коалиций». Эта концепция была предложена Л. Е. Грининым и А. В. Коротаевым [Гринин Л. Е. 2012б; Grinin L., Korotayev 2010b; частично она развита в нашей общей статье: Гринин Л. Е. и др. 2024а]. Они отметили, что начался процесс формирования новых коалиций, которые в отличие от военно-политических и экономических блоков периода холодной войны будут менее прочными, во многом ситуативными, при этом одни и те же страны могут одновременно находиться в разных блоках и объединениях, которые могут в целом противостоять друг другу. Но это не смущает и не будет смущать политиков. Например, Турция состоит в НАТО, думает о вступлении в БРИКС и ШОС и в то же время активно внедряется «мягкой силой» в страны Средней Азии (см., например: [Почта, Гузаеров 2024]). Поскольку многие из таких союзов окажутся неустойчивыми, будет происходить определенный естественный отбор принципов и форм, а также идеологий и других символических ресурсов этих объединений²⁹. Следовательно, процесс отбора будет явлением не краткосрочным, а, скорее, среднесрочным. Путем естественного отбора из этих случайных объединений будут высеваться наиболее удачные и прочные комбинации. БРИКС, как мы и прогнозировали, ока-

²⁹ Для Индии такая позиция неприсоединения всегда была ведущей (см. об этом: [Гринин Л. Е., Коротаев 2016а: гл. 8]). И сегодня индийский министр иностранных дел С. Джайшанкар заявляет, что для Индии исключены какие бы то ни было альянсы, приоритет отдается только национальным интересам страны в рамках многополярного мира. Приветствуется сотрудничество с Россией, Китаем и США в рамках равноправного партнерства – без каких бы то ни было союзнических обязательств [Добров 2024б]. Однако это стало характерным для многих стран (см. ниже).

зался одной из таких удачных комбинаций, хотя отношения между такими членами БРИКС, как Китай и Индия, оставляют желать лучшего (однако именно встречи их руководителей в рамках ШОС БРИКС смягчают эти противоречия). Сегодня организация БРИКС (как и ШОС) показывает большой потенциал к росту. К анализу возможной роли БРИКС+ мы еще вернемся в главе 5, § 3.

Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев также высказали важную мысль, что, чем заметнее станет борьба за влияние в мире, тем меньше будут выдвигаться чисто эгоистические национальные интересы, тем больше будут они прикрываться общим благом. В откровенной национальной эгоистичности была не только внутренняя сила Д. Трампа, но и внешняя слабость позиции США³⁰. Власти США нередко проявляют откровенный цинизм и эгоизм. Однако все же сегодня – в период борьбы за изменение мирового порядка – мировые лидеры стараются меньше говорить о чисто национальных, сугубо эгоистических интересах стран. Зато они больше говорят о мировых интересах, защите правильной стороны, общем процветании, ценностях и т. п.

Помимо уже привычного сегодня акронима БРИКС в 2010-е гг. часто звучали и другие, включающие разные комбинации стран. Общим знаменателем здесь выступал прогноз быстрого экономического роста государств, включенных в подобные комбинации (некоторые страны, правда, присутствуют почти во всех такого рода списках, например Индонезия и Турция). Еще в 2005 г. экономисты рейтингового агентства «Голдман Сакс» стали говорить о группе «Следующие одиннадцать» (Next Eleven), то есть о группе растущих и быстро развивающихся стран среднего размера и уровня развития, которые к 2030 г. совокупно превзойдут 27 стран объединенной Европы. Группа «Следующие одиннадцать» включала в себя Бангладеш, Египет, Индонезию, Иран, Мексику, Нигерию, Пакистан, Филиппины, Южную Корею, Турцию и Вьетнам [Wilson, Stupnytska 2007; Global... 2012; ALOnaizi, Gadhoun 2017; Что... 2015]. В 2009 г. Р. Вард изобрел новый акроним КИБЕТС (CIVETS) (Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция, ЮАР). Эти страны, по его мнению, имели преимущества по нескольким причинам, таким как разнообразие и динамичность экономики, а также молодое растущее население [Russell 2010].

Дж. Голдстоун [Goldstone 2011] употребляет в своей статье собственный акроним TIMBI (Турция, Индия, Мексика, Бразилия, Индонезия). Их совокупный ВВП в то время превышал ВВП Китая, и прогнозировалось, что они будут расти быстрее него в следующем десятилетии. Экономист Дж. О'Нил, который придумал акроним БРИК в 2001 г., через десять лет предложил новый – TIMS, или ТИМК, для четырех новых быстро растущих рынков (Турция, Индонезия, Мексика и Южная Корея). Дело, разумеется, не в удачности или неудачности акронимов и не в том, насколько экономистов захватила эта игра, а в том, что это явление очень хорошо отражает растущую роль развивающихся стран. Но, как мы видим, согласно теории эпохи новых коалиций,

³⁰ И, на мой взгляд, это противоречие очень ярко проявится в период второго президентства Д. Трампа.

только один акроним, благодаря активности лидеров России и других стран, стал реальностью.

Сделаем вывод: ослабление и распад старого мирового порядка и борьба за новый усиливают стремление к поиску менее обременительных в плане перестройки внешней политики и менее длительных союзов как из-за нежелания втягиваться изнурительную борьбу, так и по причине неясности исхода этой борьбы. В частности, активное стремление присоединиться к БРИКС+ у десятков стран связано не с желанием твердо стоять на позициях России или Китая, а с тем, чтобы иметь противовес западному влиянию, поскольку сегодня найти такой противовес сложно. БРИКС+ едва ли не единственное не региональное объединение незападной направленности (см., например: [Peer 2024]). В другой статье [Martaja 2024] относительно Турции говорится, что вступление в БРИКС открыло бы новые возможности для этой страны, укрепило бы ее позиции на мировой арене и обеспечило бы более сбалансированное и равноправное участие в мировых делах.

Таким образом, процессы смены мирового прядка и борьбы за него и процессы формирования нового типа коалиций оказываются тесно связанными³¹.

Любопытно отметить, что идеи нового типа коалиций имели место и в политической мысли США. Так, З. Бжезинский [2006], анализируя три компонента новой стратегии, которые вошли в политический арсенал США после 9/11, среди них упоминал **ставку на случайные коалиции**³². Это явление, по его характеристике, одновременно обесценило политическую значимость существующих альянсов (наподобие НАТО) и повышало целесообразность договоренностей в области безопасности с тактически удобными партнерами (такими как Россия). США и сегодня не брезгают получить выгоду от изменения внешнеполитического курса, например приостанавливая санкции или давая какие-то преференции в нужный для себя момент. Так, в 2022 г., когда Байдену нужно было понизить цены на бензин в преддверии выборов в Конгресс, США ослабили санкции для Венесуэлы с целью получить более дешевую тяжелую нефть. Однако нежесткость новых коалиций не имеет ничего общего с недоговороспособностью США и отказом с их стороны соблюдать те или иные договоренности, когда это становится невыгодным. Такие подходы США к договорам заставляют избегать с ними любых договоров, если только это возможно.

5. Глобальное противоречие современности и глобальный кризис современности

Как уже не раз сказано, в Мир-Системе нарастает конфронтация, усиливается гибридная война, рушатся устоявшиеся связи. При этом существует очень

³¹ С концепцией эпохи новых коалиций явно перекликаются и идеи так называемого трансрегионализма (см., например: [Кузнецов 2016; Воскресенский и др. 2017; Ефремова 2017; Лебедева, Кузнецов 2019]).

³² Другие компоненты изменений, о которых упоминал З. Бжезинский: однополярный мир, оправдывающий право на самооборону, вытеснил понятие коллективной безопасности, основанной на атлантическом альянсе и необходимости апеллировать к санкциям ООН; право силового предотвращения или даже упреждения возникающей серьезной угрозы [Бжезинский 2006].

большая вероятность, что какое-то значимое время указанные тенденции и проблемы в перспективе будут только обостряться. Одной из главных причин такого прогноза является слабо предсказуемая политика США, ослабление профессионализма и преемственности в ее администрациях (об этом см. в главе 2, § 2; в главе 4, § 3). Между тем, вне всякого сомнения, судьба мира во многом зависит от того, как будут развиваться США, какую политику они изберут, какие повороты встретятся на этом пути.

Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев писали, что *борьба все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом США представляет главную интригу современного глобального противоречия* [Grinin L., Korotayev 2020; Гринин Л. Е. 2005, 2015а, 2018б]. Это было видно уже в 1990-х гг. и стало очень наглядно после прихода к власти Д. Трампа, когда фронт противоречий расширился за счет игнорирования американцами интересов своих союзников. Сегодня это противоречие буквально кричит и в период нового президентства Трампа примет угрожающие размеры и формы.

На мой взгляд, идея глобального или основного противоречия современности весьма продуктивна. При этом, как мы увидим ниже, само это противоречие трансформируется и модифицируется, сохраняя основную свою коллизию. И его проявления многообразны настолько, что, не имея данной концепции как проясняющей тенденции, эти проявления далеко не всегда можно определить как имеющие единую причину. Это противоречие во многом объясняет и двойственность и незавершенность современных процессов, в частности глобализации. С одной стороны, именно США длительное время были мотором глобализации, активно побуждая все новые страны открывать свои рынки, делать прозрачными границы для движений капитала, принимать правила Вашингтонского консенсуса и т. п. С другой – США отказывались делать сами многое из того, что требовали от других. Поэтому глобализация оставалась неполной, поэтому-то и можно говорить не только о том, что ее политическая составляющая сильно отстала от экономической (что вызвало реконфигурацию Мир-Системы, см. выше), но и о том, что сама экономическая составляющая полна противоречий. И это остро проявилось уже при Д. Трампе, а далее при Дж. Байдене в том, что США стали резко тормозить движение к связанности мира, вводя санкции, запреты, гигантские пошлины и т. п. Второй приход к власти Трампа, кажется, делает такое движение циклическим.

Таким образом, многие процессы под воздействием указанного противоречия трансформировались в односторонние, поскольку США, иницируя их, не хотели и не хотят брать на себя каких-то реальных и необратимых обязательств. Анализируя указанное глобальное противоречие, можно утверждать, что без разрешения этого противоречия движение к новой форме глобализации не может начаться. А без этого сложно рассчитывать и на установление нового, более справедливого мирового порядка.

А. В. Коротаев и Л. Е. Гринин подчеркивают, что, говоря об интересах США, нужно иметь в виду, что в последние три десятилетия они неоднократно трансформировались в зависимости от того, какая часть американской элиты, групп давления и так называемого глубинного государства оказывалась в

тот или иной момент наиболее активной и влиятельной. Можно сказать, что именно расклад политических сил, внутривнутриполитическая борьба и ее цели во многом определяют важные направления внешней политики страны. Более того, внешняя политика чрезмерно подчинена внутренней, а внешнеполитические акции нередко становятся результирующей внутривнутриполитической борьбы. Так, усиление конфронтации с Россией в 2016–2020 гг. определялось прежде всего логикой борьбы с Д. Трампом его противников. Неуверенные попытки Дж. Байдена в начале своего президентства улучшить отношения натолкнулись на противодействие имеющих вес политических кланов, что в итоге привело к прямому и открытому подталкиванию РФ к началу СВО (см. об этом: [Гринин Л. Е. и др. 2024а]).

На мой взгляд, с точки зрения долгосрочных интересов Америки (а не краткосрочных интересов политических групп) столь сильное обострение отношений с Россией Америке невыгодно, поскольку толкает РФ на формирование блоков с Китаем, Ираном и другими странами (США выгоднее разделять своих противников, не давая им блокироваться). Но в США возобладали самоуверенность и переоценка своих сил, что делает их внешнюю политику близорукой и опасной. Среди американских политиков получила широкое распространение довольно странная и в целом опасная для будущего страны концепция, что США легко справятся с обеими ревизионистскими державами. При этом внешнеполитическая команда Дж. Байдена в итоге оказалась неспособной принять кардинальное решение о том, какая страна – Россия или Китай – является главным противником Америки³³ (см. подробнее: [Carpenter 2023]). Такая раздвоенность видна и из анализа национальной стратегии безопасности 2022 г. [National Security Strategy 2022]. Между тем уже тысячи лет существует правило, согласно которому гораздо правильнее объединяться с одним противником против третьего, а уже потом, после разгрома одного врага, начинать конфликт с другим. Санкции США против РФ становятся мощнейшим фактором, который усиливает движение России и Китая в сторону крепкого союза, фактически США сами толкают РФ в объятия КНР. Все это говорит о том, что кланы американистов теряют связь с реальностью (см.: [Гринин Л. Е. и др. 2024а]). Впрочем, не исключено, что и заявления Д. Трампа о желании найти компромисс с Россией останутся декларациями, поскольку этот компромисс предполагается найти опять же с позиции силы и угроз.

Во Введении и предыдущем параграфе мы отмечали, что уже в течение длительного времени США все заметнее теряют свои лидерские функции. В результате этого ослабления в последние годы усиливается «беспорядок» в мире, причем особенно заметный вклад в него вносят действия США [Гринин Л. Е. 2015а: 14]. С приходом Трампа к власти и из-за его стремления изменить многие устоявшиеся отношения, а затем, с приходом недостаточно

³³ Вашингтон, похоже, изо всех сил старается вызвать к себе враждебность у обеих этих держав. Подобный подход не только создает риск возникновения очень опасной ситуации стратегического перенапряжения США, но и сближает Москву и Пекин. По сути, нынешняя политика Америки создает противоположное модели Киссинджера положение, при котором Москва и Пекин развивают более тесные связи друг с другом, чем с Соединенными Штатами [Carpenter 2023; см. также: Burrows, Manning 2022; Mearsheimer 2024].

дееспособного Дж. Байдена, «беспорядок» еще больше усилился. Это свидетельствует об усилении указанного противоречия, которое, несомненно, заметно усилится, при новой каденции Трампа.

Раскрывая указанное противоречие, Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев, используя подходы и терминологию Т. Фридмана [2010, 2011], анализируют противоречие между обязанностями «империи», которые объективно возникли и которые взяли на себя США, и «республикой», то есть архаичностью основных политических институтов США, созданной более 200 лет назад, причем для небольшой республики, не стремящейся к активным внешним отношениям. Ведь конституция США в своих институциональных основах не менялась с 1787 г. Это нередко рассматривается как огромное достоинство США. И в каком-то смысле это правильно. Преемственность, устойчивость – это большой плюс. Однако есть и большой минус. Конституция не отвечает запросам времени, а поменять ее почти невозможно.

Таким образом, у указанного выше глобального противоречия выделяется важный аспект, который исследователи часто оставляют без внимания, а именно: *налицо диспропорции между имперскими амбициями и обязательствами, с одной стороны, и уязвимостью способности выполнять эти обязательства вследствие особенностей политической системы и американской демократии – с другой*. Иными словами, гигантская власть США над миром и объективно вытекающая отсюда ответственность за мировой порядок вступает в жесткое противоречие с архаичной политической системой и фактической безответственностью политического американского истеблишмента, не просчитывающего последствия внешнеполитического курса, а следовательно, не годится для рационального управления «империей» [Grinin L., Korotayev 2020; Гринин Л. Е. 20186]. Фридман [2010] полагал, что новые президенты усилят внешнеполитический аспект, но вышло как раз наоборот³⁴. Что Трамп, что Байден, каждый на свой лад, но стали разрушать созданную США за десятилетия систему влияния на мир, нанося один за другим удары по выстроенной системе глобального управления.

Глобальный кризис современности. Понятие «глобальное противоречие современности», на мой взгляд, есть большой смысл связать с понятием «**глобальный кризис современности**». Глобальный кризис современности в моем понимании можно рассматривать как системные и болезненные сбой функционирования и трансформацию Мир-Системы, которые затрагивают практически все сферы жизнедеятельности, препятствуя формированию новой системы динамики развития. Реконфигурация Мир-Системы есть проявление (и результат) этого системного кризиса, в последнее время наиболее остро проявляющегося именно в политической и международных отношений сфере. **Глобальное противоречие, таким образом, есть источник глобального кризиса**, так что по мере нарастания этого противоречия (в том числе по мере ухудшения согласованности и падения профессионализма в политической системе США) будет нарастать по целому ряду причин и глобальный кризис.

³⁴ Тут, скорее, оказался прав З. Бжезинский, отметив, что главным геополитическим эффектом глобального политического пробуждения становится кончина имперской эры [Бжезинский 2010б].

Так, в частности, из описанного анализа глобального противоречия современности вытекает, что политическая система США сегодня – это наиболее слабое место (звено) США и их мировой системы («империи»). На мой взгляд, оно даже слабее, чем финансовая система с ее громадной задолженностью, которая грозит все обрушить. Если ситуацию с долгом хотя бы теоретически можно изменить, пусть и с большими издержками для Америки (например, путем сжигания долга через инфляцию или дефолт), то изменить политическую систему в условиях разделения страны даже теоретически невозможно. Это может сделать только некая революция, которая обрушит США полностью. Слабость политической системы, однако, не только институциональная. Еще важнее, что идет быстрая деградация политической элиты. При этом любые попытки что-то изменить («осушить болото», уменьшить влияние «глубинного государства», в терминологии Д. Трампа и др.) приводят только к еще большему расшатыванию системы и деградации элиты. Сила партийных машин и все коррумпированной политической машинерии в США такова, что трудно полагать, что кто-то сможет реально перестроить политическую систему. Отстранение Дж. Байдена показало, что реальная сила у «спонсоров» и политических кланов. Недаром отстранение Байдена и секретное голосование за К. Харрис называют партийным, а то и государственным переворотом [Pruett 2024].

Победа Трампа и приход к власти новой команды, настроенной на резкие изменения, сокращения, расследования (грубо говоря, команды «чистильщиков» или даже «палачей»), могут встряхнуть США. Но, во-первых, команда Трампа – это команда миллиардеров, что само по себе угрожает демократии, а во-вторых, такая встряска может повлиять и негативно. Наконец, нельзя сказать, что Д. Трамп полностью самостоятелен в своих действиях, особенно во внешней политике. Напротив, он сильно связан своими обязательствами перед израильским лобби, а также другими спонсорами.

6. Великая дивергенция и Великая конвергенция

Для анализа мир-системных процессов, к числу которых, вне всякого сомнения, относится процесс борьбы за мировой порядок и его смены, включая различные фазы этого процесса, необходимы многоаспектные теории большого охвата в плане как географическом, так и временном. Ведь для понимания современного состояния, для того чтобы сделать прогнозы, нужна длительная историческая перспектива и выявление повторяемых причин, которые ведут к изменениям в мировом раскладе сил. К числу таких теорий я отношу теорию А. В. Коротаева и Л. Е. Гринина о Великой дивергенции и Великой конвергенции [Grinin L., Korotayev 2014a, 2014b, 2015; Гринин Л. Е., Коротаев 2016a, 2016b, 2019a; Гринин Л. Е. 2013в; Коротаев и др. 2014; Коротаев 2015; Grinin L., Korotayev 2015; Korotayev *et al.* 2015; см. также: Акаев 2015]. Собственно, теория Великой дивергенции, то есть быстрого отрыва от остального мира Западной Европы и Запада с XIX в., в целом была разработана для целей исторической социологии так называемой Калифорнийской школой [Goldstone 1991, 2002a, 2008a, 2008b; Pomeranz 2000, 2002; Wong 1997; Frank 1998; Marks

2002; Vries 2003, 2010; Голдстоун 2014]. Она была разработана для объяснения причин быстрого взлета Европы (и в частности Великобритании), а также для уточнения уровней развития Востока (прежде всего Китая) и Европы в Средние века и раннее Новое время. Однако эта теория не имела прямого отношения к современности, а представители Калифорнийской школы не связывали Великую дивергенцию с современным процессом, когда разрыв между развитыми и развивающимися странами стал заметно сокращаться.

Великая дивергенция XIX в. – это процесс не просто расхождения в уровне развитости Европы и остального мира, но и создания нового типа мировой экономической системы, в которой хозяйства разных стран включаются в единую мирохозяйственную или мироторговую систему (но с весьма разными ролями, прежде всего в виде центра, полупериферии и периферии) в современном смысле слова. В таком аспекте процесс Великой дивергенции был хорошо исследован также и мир-системной школой [Wallerstein 1974, 1980, 1989; Frank 1979; So 1984; Arrighi 1994; Chase-Dunn 1998; Chase-Dunn *et al.* 2000; Amin 2010; Chase-Dunn, Lerro 2013]. Однако ряд представителей этого направления также не увидели коренного изменения тренда смены Великой дивергенции Великой конвергенцией в конце XX в.

А. В. Коротаев и Л. Е. Гринин сумели объединить оба процесса: отрыв Европы и отставание Азии в XIX – первой половине XX в., с одной стороны, и быстрый подъем незападного мира с 1970-х гг., который – что очень важно для нашего исследования – будет продолжаться еще длительное время – с другой, – в единый процесс перехода Великой дивергенции в Великую конвергенцию.

Можно согласиться с их выводом, что Великая конвергенция – это объективный результат развития мировой экономики в целом, итог развития экономики и политики как развитых, так и развивающихся стран (причем вольный или невольный вклад в этот результат развитых стран в некотором смысле выглядит даже более высоким, чем самих развивающихся); это способ поддержания благополучия западных государств в условиях охватившего их демографического кризиса, возможность создания более широкого основания для дальнейшего инновационного развития мира. В свое время рост благосостояния широких слоев населения развитых стран и возникновение в них среднего класса как основной массы населения стали результирующей длительной социально-политической борьбы и реакции производителей (в технологической и организационной части) на рост зарплат, требований и квалификации персонала. Подобно этому процессу и Великая конвергенция – объективный результат экономической динамики мира и векторов противостояния в нем. В последние десятилетия средний класс в развитых странах начал размываться, однако этот процесс подпитывает рост численности и значения среднего класса в развивающихся странах, значительная часть которого напрямую вовлечена в производство именно западных стран, заменяя национальных специалистов.

К анализу результатов Великой конвергенции мы вернемся в главе 2, § 4.

7. Глобалисты и американисты, глобалистская революция

Две группы высшей элиты США и Запада. Попытки глобалистской революции. В 2021–2022 гг. мы исследовали разделение высшей финансово-экономической и политической элиты Запада на две условные группы. Нами было показано [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а, 2021б, 2021в, 2021г, 2021д, 2022а, 2022б, 2022в], что в правящей элите США и Запада сложилось два блока высшей элиты: глобалисты, которые пытаются за счет ресурсов и возможностей США сформировать новый мировой порядок (см. ниже), и американисты, которые пытаются сохранить гегемонию Соединенных Штатов Америки в мире именно как державы, а не как ресурсной базы глобалистов. Никакой стены между этими группами нет, люди и силы перетекают из одного стана в другой, где либо мимикрируют, либо образуют некий симбиоз. Американисты есть в обеих партиях США, глобалисты же больше склоняются к демократам. Сила той или иной группы резко возрастает в зависимости от того, какая из них на данный момент управляет страной. Сегодня это стало наглядно видно после победы Д. Трампа. И переход к нему таких крупных фигур, как М. Цукенберг и Дж. Безос, ранее активно поддерживавших своими империями глобалистов, подтверждает вышесказанное.

Глобалисты представляют собой сложный симбиоз, систему финансовых групп и взаимодействующих с ними структур, состоящих из фракций «неолиберальных» элит, контролирующих финансовые потоки, портфельные инвестиции и информационные технологии [Дуткевич 2022], объединяя различные движения (от ЛГБТ до зеленых) и опираясь на мощь демократической партии в США и некоторых левых партий в европейских и других странах Запада. Они также во многом контролируют гигантскую сеть влияния на самые различные организации и объединения³⁵. При этом глобалисты стремятся использовать разнообразные ресурсы, опираясь и на частные мощные финансовые, медийные и иные ресурсы, но прежде всего на ресурсы США. А для этого им необходимо овладеть государственной машиной США, поставив на службу своим интересам ее огромный бюджет и кредитные возможности, а также и через Госдеп ресурсы младших партнеров США³⁶.

Глобалисты противостоят тем, кого мы называем **американистами**, то есть американские гегемонисты-националисты/патриоты, мечтающие не просто удержать американский мировой порядок, но и укрепить его, обрушив растущих конкурентов, тех, кого США называют ревизионистскими державами (Россию, Китай, а также менее крупные – Иран и др.)³⁷.

³⁵ Масштабность таких сетей можно представить только из примера одной из многих глобалистских организаций – Всемирной организации «Объединенные города и местные власти» – глобальной сети муниципалитетов, мегаполисов и регионов, а также их объединений. Данная сеть объединяет более 240 тыс. территорий, где проживает более 70 % населения планеты.

³⁶ Кое-какие интересные штрихи о глобалистах, которые, подчеркну, не отгорожены от элиты американистов, а достаточно тесно с ней связаны, можно найти в книге [Фергюсон 2020]; см. также: [Provost, Kennard 2024; Kennard 2024].

³⁷ Обычно в этот список включают Китай, Россию, Индию, Иран, Пакистан и некоторые другие страны с быстро развивающейся экономикой (иногда даже, скажем, Малайзию) (см., например: [Mead 2014]).

Для понимания различий между этими двумя группами, важных для развития нашей темы, выделю их более четко:

1) глобалисты стремятся к уменьшению конфликтов в мире. Дело, конечно, не в их пацифизме, а в том, что им важно под эгидой идеологии общечеловеческих целей (прежде всего климата, но также социальной справедливости) переформатировать политику большинства стран мира и направить их ресурсы в «нужное» русло, а также создать для этого достаточно прочный порядок. Для того чтобы получить контроль за ведущими финансовыми потоками мира, а соответственно, и власть, глобалисты ратуют за мировое правительство, как минимум за общемировые решения (наподобие Парижского соглашения 2015 г.)³⁸. Но, повторю, всякие конфликты и экономические санкции (войны) для них крайне вредны, так как убедить страны можно только на основе идей общемировых интересов и достигнутого общемирового согласия. США интересуют глобалистов в первую очередь, чтобы овладеть их финансовыми, политическими и геополитическими ресурсами. В Европе имеются свои глобалисты, которые, впрочем, уже начали подстраиваться под американских единомышленников³⁹. Американцы же работают в прежней парадигме, а именно: подчинения США воли других держав, использования всяческих средств давления для удержания союзников и борьбы с соперниками и неугодными режимами всеми способами с целью их обрушения⁴⁰;

2) глобалисты и американцы опираются на капитал разных типов. Финансовый капитал ближе к глобалистам, поскольку финансисты мало заинтересованы в собственно реиндустриализации США (как и Европы, как и других стран), темпах экономического роста, конкурентоспособности товаров и пр. В эпоху так называемого количественного смягчения (то есть очень низких ставок) он откровенно доминировал, а правительство, ЦБ и ФРС фактически поощряли его, надувая рынки эмиссией. Мало того, глобалисты с помощью финансового капитала стали подавлять промышленный капитал, отказывая ему в кредитах, навязывая так называемую толерантную социальную и кадро-

³⁸ В Европе одним из главных центров глобализма является Всемирный экономический форум (ВЭФ), активно и подробно разрабатывающий глобалистскую повестку. Частично она представлена в книгах К. Шваба [Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2022].

³⁹ Обострение ситуации в мире нарушило планы глобалистов по перенаправлению финансовых потоков мира на зеленую энергетику. Они запрашивали ни много ни мало по 5 трлн в год в течение 30 лет [Durden 2021a, 2021b]. Таких денег на инвестиции просто нет. Однако, несмотря на СВО и ослабление давления на углеродную энергетику, капиталы, которые удастся направить на «спасение» климата и отрасли, связанные с зеленым курсом, огромны и продолжают расти. Инвестиции, субсидируемые США и европейскими государствами, достигают многих сотен миллиардов долларов, и они уже начинают сильно превышать инвестиции в углеродную энергетику. Так, для Европы инвестиции в зеленую энергетику в 2024 г. составят 370 млрд долларов, для США – 315 млрд долларов [МЭА... 2024].

⁴⁰ Формы борьбы самые разные: подкуп политиков либо компромат на них, обучение представителей массмедиа разных стран в США, зарубежные посольства как центры влияния, угрозы, дискредитация, вмешательство в выборы, использование пятых колонн, санкции, отказ от договоров, давление с помощью международных организаций, союзников и сателлитов, заговоры, цветные революции, террористические акты, например с помощью беспилотников, прямая агрессия, если иначе не получается, и т. д.

вую политику. При этом властные структуры и регуляторы потеряли способность контролировать их и фактически попали под их власть [Stiglitz 2009];

3) глобалисты с помощью надувания рынков акций смогли объединиться с ИТ-гигантами (которые тоже не слишком заинтересованы в собственно американской индустрии), сумели раздуть их капитализацию до невиданных размеров. В то же время стоимость акций промышленного и торгового капитала оценивается на биржах существенно ниже. Под давлением китайской и азиатской продукции американская промышленность теряла конкурентоспособность, попытки Д. Трампа придать ей импульс оказались несостоятельными, а пандемия ковида способствовала дальнейшему ее ослаблению.

После прихода к власти Дж. Байдена демократы какое-то время в основном шли в русле линии глобалистов, пытаясь сгладить противоречия и объединить всех зеленой повесткой. Но с конца 2021 г. в связи с попытками В. В. Путина разрубить украинский гордиев узел активизировались американисты-«ястребы», решившие, что Путина можно спровоцировать на войну, ослабив тем самым Россию, сплотив Запад, оторвав Европу от РФ и истощив ее экономические ресурсы. Победа Д. Трампа – это реванш американистов. При этом изменения в технологиях, в частности развитие искусственного интеллекта (ИИ) и обозначившаяся потребность в быстром наращивании электротехники для его дальнейшего развития, изменили позиции части цифровых гигантов в отношении зеленой энергетики и начали склонять их на сторону Трампа (см. выше) и развития традиционной энергетики;

4) как уже было сказано, грань между глобалистами и американистами очень нечеткая, особенно в свете того, что многим казалось, будто климат и величие США идут рука об руку. Но в связи с началом конфликта на Украине и окончательным приговором предшествующему этапу глобализации⁴ эти направления стали резко противоречить друг другу. Следовательно, можно ожидать обострения внутрипартийной и внутриполитической борьбы и по этой линии;

5) американисты и глобалисты сильно отличаются и своими планами. Для первых главное – удержать и увеличить власть США над миром, «сделать Америку вновь великой». Для них это самоцель. Для вторых власть США лишь средство для переформатирования Мир-Системы и овладения контролем над главными финансовыми потоками. Для этого глобалисты используют нарративы спасения климата, то есть усиления «зеленого курса», сокращения углеродной энергетики и контроля за личным потреблением. Если стремления американистов означают консервацию современной структуры мирового порядка во главе с США, то стремления глобалистов в случае их реализации означают глубокие перемены в жизни государств и обычных людей. По сути, это революционные изменения (если не вкладывать в коннотацию слова революции только позитивный смысл, напротив, многие революции несут массу негатива). Поэтому в своих работах мы сделали важный вывод о том, что под воздействием глобалистов начались процессы, аналогичные мировой (мир-системной) революции, направленные на переформатирование мирового по-

рядка, основных потоков инвестиций, экономической модели, модели поведения населения и управления им (ковид) и т. д. В 2020–2021 гг. трансформацию возглавили глобалисты [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021д, 2022а, 2022б, 2022в]. Мы были свидетелями того, что они предпринимали экстраординарные усилия, которые очень напоминали революционные, только происходящие не в национальном, а в мировом масштабе. Исходя из теории революции, мы рассмотрели, что понятие революции вполне применимо к современным изменениям и попыткам изменений. Однако последствия этой мировой «революции», как и любой великой революции, могут быть весьма негативными и разрушительными для многих стран, включая США, а также для мира в целом. В настоящий момент в связи с военными действиями и тем более победой Д. Трампа напор глобалистов ослаб, но он может возобновиться в любое время. Попытка Трампа и его команды может тоже оказаться сродни революции в американском масштабе, но и от нее может затрясти не только США, но и весь мир. Если ранее противоречия между американистами не акцентировались, нечасто выходили в открытый дискурс и тем более в политическую риторику, то с победой Трампа ситуация изменилась. Трамп и его команда открыто называют глобалистов своими противниками, а существующий порядок, который именно Америка строила десятилетиями, – глобалистским⁴¹ (см., например: [Akrainer 2025; Boyle 2025]).

Глобалистский проект мирового порядка. Итак, грань между глобалистами и американистами достаточно тонкая, полностью они не разделились, не размежевались, даже после прихода к власти Д. Трампа, но в отношении их видения мирового порядка различия принципиальные. Повторю, глобалистам для их планов нужно единство мира, отсутствие конфликтов, чтобы они могли руководить общемировой повесткой. Это зеленая повестка, права ЛГБТ, контроль над национальными экономиками и бизнесом через требования ограничить углеродные выбросы или запретить двигатели внутреннего сгорания, через правила выдачи кредитов и т. п.; а также постепенный контроль над каждым человеком через так называемый карбоновый след, его диету, соответственно, его потребление.

Таким образом, глобалисты предлагают новый мировой порядок. При всем нашем крайне критическом отношении к идеям, заложенным в этот проект, справедливости ради стоит отметить, что пока это единственный проект нового мирового порядка. Американисты же вполне довольны существующим американским мировым порядком. Но поскольку Америка стала слабеть, а «ревизионистские державы» требуют пересмотра многих основ существующего порядка, американисты решают развязать конфликты в мире, чтобы ослабить, а при удаче обрушить противников их власти. Таким образом, в отличие от глобалистов американистам мирное сосуществование, общее соглашение и укрепление экономических связей не нужны. Напротив, им нужны хаос, разрушение, в процессе которых легче бороться с конкурентами. Д. Трамп был

⁴¹ Но при каденции Трампа их размежевание, бесспорно, усилится и станет более явным. Для многих окажется трудным усадеть на двух стульях.

истинным американистом, однако мирным, к войнам он не стремился. Тем не менее он начал процесс разрушения устоявшихся экономических связей в мире с большим рвением, надеясь подчинить этим Китай. Теперь он продолжит свой прежний курс, но с еще большим размахом.

Но для того, чтобы глобалисты могли быть у власти, чтобы оттеснить американистов, им было необходимо и остается крайне необходимо переформатировать идеологию и культуру Америки. Американисты держатся консервативной линии, где патриотизм, консервативные взгляды на общественные институты очень важны. Глобалисты проповедуют культуру ЛГБТ, культуру отмены, так называемый вокизм, гендерный и расовый подход во всех учреждениях, изменение школьной программы, разрыв семейных связей, поощрение миграции и многое другое, включая и замену меритократии в бизнесе на расово-гендерный подход, что подрывает основы мощи США. Глобалистам важно захватить все центры силы, контроля, влияния и финансирования в США и в мире. Но им не важно, что эти учреждения, институты и центры деградируют в результате проникновения туда поставленных ими людей, выбранных по принципу верности глобалистам и соответствия требованиям «разнообразия» (цветных, женщин, ЛГБТ+), но часто далеких от патриотизма, уважения к американским традициям и очень часто не имеющих ни надлежащего уровня квалификации, ни понимания последствий своих действий. В итоге налицо деградация или ослабление столпов американского могущества, в том числе армии и флота (см. об этом в главе 2, § 4; главе 3, § 4 и главе 4, § 3). С приходом Трампа борьба между американистами и глобалистами резко обострится и по этим линиям.

Здесь подчеркну важную мысль: новый мировой порядок складывается не только из изменения военно-технологической мощи, но и из новой идеологии и культуры, которая должна быть воспринята в других обществах. Смена мирового порядка может быть связана и с ростом декадентства, определенной и достаточно наглядной деградации элиты центральной в мировом порядке державы. В отношении политической, университетской и не только элиты в США это наблюдается весьма наглядно.

Таким образом, одним из важнейших противоречий в современном мире является борьба глобалистов и американистов/националистов (в Европе). Глобализм действует через свою креатуру в правительствах и национальных элитах и через наднациональные организации, и одной из его главных черт (и в целом характеристик глобалистской революции) является стремление подавить националистов в возможно большем числе стран, но особенно в США, чтобы они не препятствовали интеграции своих стран в глобалистскую систему, в том числе не мешали черпать ресурсы из их экономик. Однако националисты не просто активно сопротивляются: периодически их популярность среди населения быстро растет. Поэтому имеется постоянная угроза выхода тех или иных стран из лагеря глобалистов, и наиболее неустойчивыми могут оказаться именно демократические страны.

В целом получается, что и глобалисты, и американисты по-разному, но очень заметно разрушают сложившийся мировой порядок, во главе которого стоят США, подготавливая мир к новому порядку.

Таким образом, в настоящее время **глобализм** – при всей его неприглядности – объективно **продолжает служить разрушению старого порядка** (и основы силы США в первую очередь), чтобы строить новый порядок. Кроме того, разрушая производительные возможности в США и странах Запада, глобалисты способствуют экономическому и культурному росту полупериферии и периферии Мир-Системы (примерно так, как этому способствовал английский колониализм, благодаря которому были организованы железные дороги, телеграф, предприятия в Индии и других колониях (подробнее см.: [Grinin L., Korotayev 2015])).

В конце 2024 г. Д. Трамп, И. Маск и другие члены команды избранного президента начали прямое наступление на глобалистов, при этом уже не скрывая свою антиглобалистскую цель. Но теперь они нацелились на всемирный (не только американский) глобализм. Отсюда нападки на канадского премьера Дж. Трюдо, попытки поддержать правые партии в Европе (блокировка с венгерским премьером В. Орбаном произошла еще раньше). Аналогично тому, как глобалисты по всему миру выступали против Д. Трампа, Трамп и команда хотят ослабить глобалистов и приобрести союзников по духу в Европе. Таким образом, наступает новый этап борьбы глобализма и национализма под руководством американистов уже во всем мире.

Это означает радикализацию борьбы, возможно, под идеологическим флагом (хотя неясно, поднимет ли Трамп этот флаг).

В любом случае:

1. Борьба национализма и глобализма усилится, при этом у правых партий в Европе появляется больше шансов на политический успех в связи с их поддержкой со стороны Д. Трампа и И. Маска.

2. Усилится сближение американских и европейских глобалистов.

3. Более явный раскол американистов и глобалистов в США в целом ослабит и саму страну, и ее влияние в мире.

И это хорошо для РФ, Китая и других. Давно сказано: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» [Мф. 12:25; Мк. 3: 24–25]. Кроме того, одно дело, когда американский гегемон говорит европейским странам, что нужно больше платить в НАТО, но не вмешивается в выборы и власть. Это как-то можно стерпеть или затянуть. Но совсем другое дело, когда американский гегемон говорит политику: «Ты нам не нравишься, а нравятся твои оппоненты, ультраправые, их мы и будем поддерживать». Тогда США становятся явным врагом большинства европейских политиков, с которым они будут открыто или исподволь бороться.

8. О цивилизациях и стране-цивилизации

В последнее время в СМИ, в заявлениях государственных деятелей (вплоть до первых лиц страны), посвященных анализу современной ситуации в мире, все

чаще звучат слова «цивилизация», «цивилизационный конфликт», «коллективный Запад» (как собирательный образ стран, принадлежащих к западной цивилизации), «цивилизационные ценности», «цивилизационный/культурный код» и т. п. Более того, слово «цивилизация» весной 2023 г. впервые вошло в качестве важного термина в государственный документ стратегического уровня – Концепцию внешней политики Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ 31 марта 2023 г.), где в п. 4 сказано: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи... определяют особое положение России как самостоятельного государства-цивилизации...» [Указ... 2023].

Такое внимание к цивилизационной тематике обусловлено тем, что в эпоху глобализации роль основных геополитических акторов переходит от национальных государств к более крупным игрокам – наднациональным объединениям и союзам, скрепой в которых является, в том числе, общая цивилизационная принадлежность. Именно в результате взаимодействия этих акторов станет формироваться будущее общество [Преодолевая... 2024: гл. 13, 15; Яковец 2021]⁴².

В связи с тем, что обострилась борьба за российский суверенитет и в целом за новый мировой порядок и место в нем, в настоящий момент президентами и в целом политическим классом была выдвинута концепция «Россия – государство-цивилизация». На мой взгляд, в качестве синонима можно использовать выражение «Россия – страна-цивилизация», так как страна может быть рассмотрена как более широкое понятие, чем государство, четко определенное границами. Слово *страна* может включать в себя и русский мир в сопредельных государствах, так как в них проживает много этнических русских или людей, ассоциирующих себя с Россией.

Но данная концепция в научном плане недостаточно разработана, пока она представляет собой не столько развитую концепцию, сколько определенный важный посыл. И, соответственно, задача научного сообщества России – активно разрабатывать эту концепцию (анализ этой концепции и ее сложностей см.: [Наумкин 2020, 2022]; критику: [Dorsey 2019]).

В рамках моей темы это важно потому, что данная идея, лозунг, посыл и т. п. будут: а) внедряться в российскую политику и практику; б) влиять на планирование и развитие различных направлений. В частности, это предполагает развитие всемерно как технологий, так и демографической политики, поскольку страна-цивилизация должна быть достаточно сильной и сохранять традиционные ценности, в частности семью. Но как можно сохранять семью,

⁴² Хотя соглашусь с А. Яновым [2006], что слишком увлекаться этим направлением, чтобы не превратить его в «единственно верную» идею, нельзя. В современный период применение концепции «цивилизация» имеет явные ограничения. В то же время имелось рациональное зерно и в наблюдении Ю. В. Яковца, что наиболее характерные и противоречивые черты этой трансформации (в конце XX – начале XXI в. – А. Г.) – многократно ускорившиеся процессы глобализации на фоне становления постиндустриального общества и формирования нового поколения локальных цивилизаций [Яковец 2001]. И сегодня, когда глобализация затормозилась, черты постцивилизаций стали обозначаться заметнее.

если браки распадаются, а детей становится все меньше. Россия-цивилизация – это сильная нация, у которой экономика, социальная сфера, технология, демография находятся в хорошем состоянии и развиваются в положительном направлении.

Наконец, эта концепция будет одним из важных факторов влияния РФ на формирование нового мирового порядка, основанного на более справедливых принципах. И это не только лозунг, с учетом того, что США и западные страны пропагандируют крайне ущербную и ведущую к социально-демографическому кризису идеологию гендеров, однополых семей, калечения детей путем трансгендерных трансформаций и операций и нарушающих социальное равенство путем принижения большинства в пользу агрессивных, малопроизводящих и разрушающих единство общества меньшинств.

Для того, что определиться с понятием страна-цивилизация, стоит начать с определения цивилизации. С одной стороны, таких определений много, с другой – никакого единства в их понимании до сих пор нет. В данном случае смысла приводить различные определения нет⁴³. Имеет смысл взять рабочее определение цивилизации. Мне кажется, что определение Л. Е. Гринина [1998а: 81] вполне для этого подходит. **Цивилизация – «это особый тип пространственно-временных группировок обществ на определенных стадиях исторического развития человечества, которые выделяются прежде всего по культурно-идеологическим признакам и характеризуются значительной устойчивостью и длительностью существования. Цивилизации имеют большие особенности в духовном и культурном плане, в них складываются неповторимые и устойчивые черты образа жизни, мышления, стереотипы и образцы для подражания»** (см. также мое выступление на круглом столе в 2024 г.: [Чумаков и др. 2024]). Вообще хочу отметить, что выступления на круглом столе о цивилизации, особенно А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина, С. Ю. Малкова, А. В. Коротаева, А. И. Андреева, дают много для понимания этой категории и направлений работы с ней.

Здесь важно подчеркнуть, что цивилизации имеют место на **определенных стадиях исторического развития человечества, то есть на разных стадиях. А соответственно, их черты будут во многом зависеть от технологического, научного, образовательного и иного уровня развития на каждом этапе.** Это принципиально, чтобы не путать цивилизации древности и Средневековья с идеей современной страны-цивилизации.

Л. Е. Гринин [1998а: 89] справедливо указывает, что понятие «идеология» необходимо трактовать для описания цивилизаций возможно шире, как некие принципы объяснения мира, общие мировоззренческие, гносеологические и этические посылки. Это достаточно хорошо вписывается в современные реалии России, где национальная идея еще не полностью разработана (подробнее см. Заключение). Стоит только добавить, что идеология также предполагает важные (судьбоносные) объяснения единства общества и цивилизации. В дан-

⁴³ См. об этом и цивилизационном подходе к исследованию: [Гринин Л. Е. 1998а; Гринин Л. Е., Коротаев 2009: 10–15; Хантингтон 2003а; Сравнительное... 1998; Следзевский 1997].

ном случае концепция того, что русский язык – государствообразующий в РФ, дополняет сказанное в отношении многонациональной России.

Что касается периодизации развития цивилизаций, Л. Е. Гринин [1998а: 125] выделял три стадии (и четвертую – переходную от доцивилизационного состояния) в зависимости от их размера и зрелости. Это первичные и локальные цивилизации; вторичные (региональные); третичные, связанные с мировыми религиями (я бы назвал их крупно региональные). В XVI–XVII вв. в связи с Реформацией, по его мнению, европейская христианская цивилизация вступила в стадию сверхзрелости, формы, а потом в стадию надлома. И хотя развитие христианской цивилизации и продолжалось еще длительное время (XVII–XIX вв.), но это было уже развитие по нисходящей линии, тем более что оно касалось прежде всего католической части Европы, подтягивающейся в описанном выше плане к протестантской [Гринин Л. Е. 1998б: 133, 134]. Действительно в отношении христианской цивилизации тут много верного, XX и XXI столетия окончательно низвели роль этой религии до служанки политики. Сегодня мы наблюдаем полное унижение христианства, когда введены однополые браки с сочетанием их в церквях, открытые гомосексуалисты не просто допускаются в церкви (государство заставило церковь сделать это под страхом наказания), но и могут быть возведены в высокий церковный сан вплоть до епископа. Подождем, когда представитель ЛГБТ+ станет римским папой.

Однако, поскольку Л. Е. Гринин делал эту периодизацию до того, как он развил концепцию развития государственности, мне кажется, что было бы продуктивнее связать периодизацию цивилизаций с его же периодизацией развития государственности: **ранние государства** (непрочные, представлены в древности и в Средние века) – **развитые государства** (централизованные государства позднего Средневековья и нового времени) – **зрелые государства** (индустриальные государства с формирующимися и сформировавшимися нациями) – **надгосударственные образования** с движением к мировым (современная и будущая эпохи)⁴⁴. Цивилизации всегда были связаны не только с культурно-идеологическими основами, но и с основами государственности. Это был всегда сложный синтез и симбиоз.

Таким образом, можно предложить предварительную концепцию исторических типов цивилизаций, или периодизации цивилизаций. Эта периодизация базируется на уровне развития государственности, поскольку, несомненно, что, во-первых, появление ранних государств и цивилизаций было вызвано общими причинами и обе эти формы организации обществ были тесно связаны. Во-вторых, наблюдается синергия, рост государственности дает толчок для цивилизации и, наоборот, рост культуры, идеологии, цивилизации способствует развитию государственности, как это было, например, с мировыми религиями (см. также мое выступление на круглом столе в 2024 г.: [Чумаков и др. 2024]).

⁴⁴ См. подробнее: [Гринин Л. Е. 2020а, 2020б; Grinin L. 2008, 2017].

Я предлагаю выделить:

1) *раннегосударственные цивилизации древности*, основанные на языческих религиях;

2) *развитогосударственные цивилизации* позднего Средневековья и раннего Нового времени, основанные на мировых религиях, частью реформированных религиях;

3) *зрелогосударственные цивилизации* позднего Нового и Новейшего времени, которые могли использовать религиозную составляющую, но в XX в. начинают формироваться на основе уже светских идеологий;

4) *цивилизации надгосударственной эпохи и мир-организма*, которые объединяются на основе комбинированных идеологий (национально-культурных, культурно-религиозных, мир-системных и др.).

Эпоха ранних государств как наиболее длительная будет включать в себя все четыре фазы первой стадии, которые указаны выше:

1. Раннегосударственные цивилизации. 1) Небольшие и примитивные ранние цивилизации на базе первичных ранних государств (обычно государств – общин или городов-государств). Например, города-храмы в Месопотамии в III тыс. до н. э.; 2) локальные цивилизации (христианская, конфуцианская, исламская); 3) региональные (иудейская, персидская-зороастрийская, античная); 4) цивилизации на основе мировых религий (христианская, распавшаяся на западную католическую и восточную православную; конфуцианская; исламская; крупнорегиональные, мир-системные).

2. Развитогосударственные цивилизации. Это, например, следующие цивилизации (с XVI в.): 1) христианско-реформистская; 2) русско-православная; 3) другие.

3. Зрелогосударственные цивилизации могут использовать и религиозную составляющую, но в XX в. начинают формироваться на основе уже светских идеологий. Это, например, следующие цивилизации (с XIX в.): 1) социалистическая; 2) западно-американская; 3) исламистская.

4. Цивилизации надгосударственной эпохи и мир-организма объединяются на основе комбинированных идеологий (национальных, культурно-религиозных, политико-миссионерских, гуманистических⁴⁵, научно-социальных и мир-системных). Начинается с послевоенного времени. Одно время социализм и атлантизм пытались приспособиться к новым веяниям. Но в настоящий момент в связи с ослаблением и началом крушения американского мира на первый план выступают новые идеологии, которые начинают конкурировать за то, чтобы начать формировать принципы нового мирового порядка. **И на этом этапе цивилизации вполне могут принимать форму страны-цивилизации, что мы и наблюдаем в России. Мир движется к объединению, но, как и во времена объединения раздробленных государств какие-то части/княжества раздробленного государства оказыва-**

⁴⁵ Вспомним, например, концепции общества изобилия, общества потребления, социализма с человеческим лицом и т. п.

ются впереди, поднимая знамя единства на основе национальной идеи. Россия поднимает знамя объединения Мир-Системы для формирования новых принципов нового мирового порядка⁴⁶.

И российской страновой цивилизации во многом есть что предложить миру. В то же время наша цивилизация всегда была открыта миру, всегда (хотя и с откатами) стремилась предложить ему новые идеи и практики. Так же происходит и сегодня. Однако российская цивилизационная идея готова к сотрудничеству с цивилизационными идеями других стран и регионов, что уже начинает давать интересный синтез в рамках БРИКС+.

Начало борьбы цивилизационных проектов. Когда С. Хантингтон писал о столкновении цивилизаций, он имел в виду непосредственные столкновения в рамках отдельных стран или между крупными блоками стран, связанными культурно-идеологическими узами. Однако сегодня можно говорить о столкновении цивилизационных идей даже в более активном плане.

Небезынтересно, что ряд западных политологов в ситуации ослабления позиций Запада начинают обращаться к цивилизационной тематике. Так, например, Дж. Коткин [Kotkin 2024a] призывает к тому, что США должны внутренне консолидироваться, чтобы дать отпор растущему китайскому цивилизационному влиянию. Украина, война Израиля и ХАМАС, нападения на суда в Красном море, угрозы Китая Тайваню, закрытие Красного моря йеменскими хуситами и даже планы Венесуэлы в отношении богатой нефтью Гайаны не являются отдельными событиями. Они тесно связаны между собой.

Далее Коткин пишет, что все происходящее следует схеме, изложенной в книге С. Хантингтона 1996 г. «Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка», в которой предсказывается подъем «реваншистских» держав, стремящихся вернуть себе прошлое величие. Самым сильным и упорным борцом на этой арене, согласно Хантингтону, будет Китай, заявленная цель которого стать ведущей мировой сверхдержавой к 2050 г. Этот автор даже говорит о грядущей цивилизационной войне. Р. Дреер [Dreher 2024b] отмечает, что правящие и культурные элиты Запада извратили все ценности западной цивилизации, а их одержимость андрогинностью и трансгендерством является признаком распада цивилизации. В итоге мы видим начало распада западной цивилизации. В то же время китайский обозреватель Ван Ивэй пишет: Преодолев устаревшие представления о конфликте цивилизаций, менталитет холодной войны и игры с нулевой суммой, ШОС стала моделью международной организации нового типа, способствующей формированию между-

⁴⁶ По мере того как цивилизация эволюционирует, число и природа составляющих ее образований обычно меняются – отмечает С. Хантингтон, поэтому в большинство цивилизаций входит более одного государства [Хантингтон 1996: 53]. Поэтому нередко считают, что одна страна не может представлять цивилизацию [Там же]. Тем не менее этот проницательный исследователь подчеркивает, что в некоторых случаях цивилизация и политическая целостность могут совпадать. Я думаю, что в современных условиях, когда роль государства достигла очень высокого значения, мы вполне можем считать, что *цивилизация может состоять из одного или более государств*.

народных отношений и Сообщества единой судьбы человечества [Wang 2024].

Чешский автор К. Струга [2024] пишет: «Возвращается и “война” между цивилизациями с разными ценностями, которую еще в начале 90-х гг. предсказал политолог Сэмюэл Хантингтон». Он озабочен тем, что западное цивилизационное пространство утратило чувство самосохранения, полагая, что достаточно экспортировать в другие страны капитализм и демократические «премудрости», чтобы постепенно изменить эти страны по своему образу и подобию. Он призывает понять, что сегодня мы боремся за спасение того, что делает западную цивилизацию западной, при этом справедливо отмечая, что Китай и Россия хотят продвинуть свои модели. Характерно, что его статья называется «Война цивилизаций, когда на кону – власть», то есть этот автор достаточно четко (и в целом верно) связывает цивилизационные проекты, их притягательность и возможность влиять на мировой порядок.

Таким образом, борьба цивилизационных проектов начинает играть важную роль в борьбе за новый мировой порядок.

9. X, Y и W как социальные структуры и типы обществ. Мир-организм

В предыдущем разделе мы затронули понятие Мир-организма, активно разрабатываемое и продвигаемое С. Ю. Малковым. Считаю, что это продуктивное, полезное и интегративное понятие, которое можно использовать в политологическом дискурсе. Однако в концепции С. Ю. Малкова оно связано с другими понятиями, о которых далее будет сказано.

В каком бы аспекте ни исследовать современное состояние Мир-Системы и мирового порядка, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью глубокого исторического, точнее даже макроисторического, исследования процессов, тенденций и трендов, которые в результате своего сложного пути привели к современному состоянию. На макроисторической дистанции они показывают нам паттерны и макроструктуры, позволяющие глубже понимать современные тенденции и прогнозировать на длительный срок. Один из самых последовательных сторонников этого подхода – С. Ю. Малков, который использует комплексный подход (включающий мир-системный, макроисторический и эволюционный подходы) и математическое моделирование с учетом взаимосвязности различных сфер жизни общества. В наиболее полной системе он представил эти подходы в английской и русской версиях доклада Римскому клубу под редакцией академика В. А. Садовниченко [Reconsidering... 2023; Преодолевая... 2024].

Исследуя структуры общества на протяжении длительного исторического развития, С. Ю. Малков выделяет два базовых типа таких структур в человеческом обществе. Однако, исходя из очень крупного фазового периода, который испытывает в настоящее время Мир-Система, он делает вывод, что она переходит к новому типу своей организации. Далее процитирую его идеи из главы 2 «Будущее общество и переход к нему» нашего доклада Римскому клубу.

Макроисторический анализ [см.: Преодолевая... 2024: гл. 1] выделяет два очень важных типа общества в истории:

– социальные структуры Х-типа, которые характерны для обществ с сильными патерналистскими институтами, ориентированными на коллективное выживание и подчинение индивидуальных интересов общественным (см., например: [Кирдина 2014]). Это не только традиционные древние и средневековые государства, но и коммунистические и авторитарные общества Нового времени;

– социальные структуры Y-типа, которые характерны для обществ с социальными институтами, направленными на поощрение и стимулирование экономической активности и конкуренции, индивидуализма. Это страны либерального рынка⁴⁷.

Однако сейчас ситуация существенно отличается от условий, в которых процветали и действовали прежние Х- и Y-общества⁴⁸. Цепь экономических, социальных и политических кризисов и напряженности в течение последних пятнадцати лет (не говоря уже о деградации климата и экологии), свидетельствует об этом. Итак, имеет смысл говорить о формировании общества нового типа (предварительно назовем его «кибернетическим W-обществом»), поскольку перестройка затронет все основы жизни и организации общества [Grinin L., Grinin A., Malkov 2023]⁴⁹.

С. Ю. Малков на основе сделанного вывода о радикальной перестройке структуры будущего общества справедливо отмечает, что главный вопрос заключается в том, какой социальный облик примут эти трансформации, какой вид приобретет социальная W-структура будущего общества. Далее он предлагает два основных сценария. Я привожу его интересные рассуждения из нашей общей с ним главы [*Ibid.*], по возможности оставляя ссылки и сноски С. Ю. Малкова.

В будущем кибернетическом W-обществе из-за возрастающей роли возрастных маркеров, а также того, что мы назвали экономическим типом отчуждения, прежние социальные разделения станут менее значимыми. Какой будет новая социальная структура? Также возможны различные варианты. Одним из таких вариантов, на наш взгляд, является увеличение фрагментации и множественности социальных групп, что приведет к снижению факторов социальной сплоченности. Возникает вопрос: как будет обеспечиваться «синхронизация» действий этих социальных акторов? Другой особенностью будущего общества является усиление распределительных принципов (в отличие от доминирования либеральных рыночных принципов в уходящем индустриальном обществе)⁵⁰.

⁴⁷ Более подробную информацию об обществах Х-типа и Y-типа см.: [Малков 2009; Кирдина 2004, 2014; а также Grinin L., Grinin A., Malkov 2023; Malkov *et al.* 2023a, 2023b; а также в главе 9 и в Приложении Д в: Преодолевая... 2024; см. также: Малков и др. 2022; Малков, Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022].

⁴⁸ См. Приложения В, Г, Д в: [Преодолевая... 2024].

⁴⁹ См. также главу 9 и Приложение Д. в: [Преодолевая... 2024].

⁵⁰ В работе [Малков 2021] с использованием базовой модели экономической конкуренции показано, что при переходе от «игры с положительной суммой» к «игре с нулевой суммой» кон-

Существует множество разновидностей будущего развития; соответственно, существует континуум вариантов будущей социальной структуры и порядка в разных обществах. Ниже мы обсудим лишь две полярные версии будущего общественного строя.

С нашей точки зрения, **вариант № 1** предполагает формирование иерархического тоталитарного общества, контролируемого явной или неявной, формальной или неформальной «глобальной властью» (глобальной элитой, включающей представителей финансового капитала, транснациональных компаний, интернет-гигантов, контролирующих ресурсные и информационные потоки). Основные материальные потребности населения обеспечиваются безусловным базовым доходом, но население лишено собственности и какой-либо реальной возможности влиять на принципиально важные решения, принимаемые «мировой (или региональной) властью»⁵¹. При этом менталитет людей контролируется, что позволяет обеспечить необходимую «синхронизацию» общества. Цифровые технологии используются для тотального контроля над поведением населения. Это **вариант № 1** будущего W-общества. По существу, это *новый феодализм*, реинкарнация X-системы тоталитарного типа в кибернетическую эпоху. Но есть существенное отличие от феодализма Средних веков. В средневековых государствах была внутренняя конкуренция элит за власть и внешняя конкуренция государств друг с другом, служившая, несмотря на все издержки, стимулом дальнейшего (в том числе технологического) развития. В **варианте № 1** будущего W-общества, в условиях глобализации и монополизма в сфере управления и распределения материальных благ, конкуренция подавляется, что неизбежно приведет к стагнации и последующей деградации.

Альтернативой концепции «инклюзивного капитализма» может быть **вариант № 2** будущего W-общества под условным названием *Мир-организм*. Это общество, где при наличии глубокой профессиональной специализации населения нет дискриминации, управление осуществляется на основе сетевых технологий (сетевые технологии используются для «синхронизации» коллективной деятельности и осуществления прямой демократии). Большую роль играет идеология (в виде этических норм и самоограничений, подавляющих антагонистическую конкуренцию), которая устанавливает систему правил выработки согласованных решений. При этом неантагонистическая конкуренция не подавляется, а, наоборот, поощряется, но канализируется в сферу спорта, науки и технологий, в творческие профессии и т. п. в форме соревновательной конкуренции. Деятельность управленцев контролируется обществом (это обеспечивается информационной прозрачностью и сетевыми платформами), что позволяет формировать управленческий аппарат на основе ме-

курентные взаимодействия неизбежно приводят к победе одной из сторон и к экономическому монополизму. В этих условиях либерально-рыночные механизмы трансформируются в распределительные, зависящие от монополиста. Вопрос в том, кто будет распределителем и на каких принципах будет осуществляться распределение.

⁵¹ Социальное устройство такого типа получило название «капитализма стейкхолдеров», «инклюзивного капитализма» [Schwab, Malleret 2020].

ритократических принципов. Функционирование такого общества аналогично функционированию биологического организма, где все органы специализированы, но действуют согласованно, не подавляя друг друга.

Таким образом, переход на благоприятный путь развития не произойдет сам по себе, он требует целеустремленных и согласованных действий всего мирового сообщества. Эта проектная работа над формированием нового мироустройства, основанного не на конкуренции (как это было до сих пор в человеческой истории), а на кооперативных началах, является важнейшей задачей нашего времени. От того, как будет выполнена эта задача, зависит наше общее будущее.

Тут от себя я бы хотел подчеркнуть, что, разумеется, было бы предпочтительнее, если бы мы могли двигаться к будущему обществу, основанному на сотрудничестве, а не на конкуренции, и в то же время сохраняющему частную жизнь, индивидуальность и инициативу своих граждан.

Закончить этот раздел я хочу тем, что, конечно, С. Ю. Малков дал прогноз на весьма длительную перспективу. Но такая перспектива также крайне важна, поскольку нам надо знать, куда мы идем, не только в ближней перспективе, но и в дальней, чтобы правильно расставить приоритеты. В Заключении к [Преодолевая... 2024] сказано: «Предполагается переход к новой глобальной социально-экономической системе: от современной Мир-системы конкурирующих государств – к более интегрированному наднациональному координационному управлению, а в отдаленной перспективе – и к более тесному объединению (условно, глобальному Мир-организму), основанному на кооперативных принципах и нацеленному на решение общих проблем:

- до 2100 г.: формирование новых принципов и институтов, которые позволили бы миру двигаться к реальному единству на основе кооперативных принципов;

- до 2130 г.: возможное формирование новой глобальной системы мира (образно Мир-организма) на основе кооперативных принципов».